

Абд Аль Хасан Али Насер

аспирант кафедры политологии

Одесского национального университета им. И. И. Мечникова,

Французский бульвар, 24/26, Одесса-58, 65058, Украина

Тел. (0482) 68-43-73

**ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ
В XXI ВЕКЕ**

Особенность нынешнего времени заключается в том, что завершается фаза западного цивилизационного мегацикла и начинается новая историческая фаза, в которой все большую роль играет восточный цивилизационный мегацикл. В этом плане автор анализирует проблему влияния цивилизационных мегациклов на исторический процесс.

Ключевые слова: мегацикл, Запад, Восток, геополитика, индивидуализм, даосизм, буддизм, прометеизм, орфизм, глобальный кризис.

Осмысливая целый комплекс современных геополитических исследований, можно предположить, что в мировой истории постоянно действует большой **восточно-западный** мегацикл. В ходе этого мегацикла восточные и западные цивилизации поочередно выхватывают друг у друга пальму первенства. Первоначально историческая инициатива принадлежала Востоку. Там зародились ранние цивилизации: шумерская, ассиро-вавилонская, египетская. Здесь торжествовала кастово-коллективистская форма организации общества. Цивилизованность там означала первичность общего над отдельным, доминирование долгосрочных мегацелей над краткосрочными микроцелями. На определенном историческом этапе развитие коллективистской фазы в восточных цивилизациях достигает апогея. Он выражается в формировании застывшей тотальной восточной государственности.

Ответной реакцией на этот восточный застой стал мощный реверсивный сдвиг «западнополушарного» цивилизационного массива. Он осуществился в форме греческой, затем римской античности. Это был реванш античного демократического индивидуализма над восточным деспотическим коллективизмом. Уже тогда за многие века до нашей эры сложились основные принципы жизнеустройства западного типа. Западное жизнеустройство изначально основывалось на отделении экономической сферы от властно-государственной, закреплении принципа частной собственности, традициях гражданского общества, республиканско-демократическом устройстве, индивидуально-авторском методе творчества.

С. Хантингтон считает, что чувство индивидуализма и традиции индивидуальных прав — отличительная черта западной цивилизации [3; 100]. Он доказывает, что европейский индивидуализм развился в XIV–XV веках, а утверждение права на индивидуальный выбор состоялось к XVII веку. Кстати, этой ситуации известный американский политолог и социальный

философ Исаак Дойч дал поэтическое определение: «революция Ромео и Джульетты».

Принцип индивидуализма обеспечил стратегический перехват Западом глобальной инициативы Востока в геополитической, военной, экономической и культурной сферах. Формирование индивидуализма как фундаментального принципа западной цивилизации прошло несколько фаз: а) первоначальное проявление индивидуализма в героических формах; б) дальнейшее развитие индивидуализма в форме индивидуального творчества, индивидуальных политических стилей и страстей; в) гедонистическая разнузданность индивидуализма (то есть превращение гедонизма — самоудовлетворения любой ценой — в повседневную психологическую и социокультурную установку).

По многим признакам можно судить, что современный Запад вступил в третью, завершающую фазу эволюции индивидуализма. Сегодня технологическое могущество западного «постмодерна» сочетается с крайним духовным убожеством «одномерного человека». Без опоры на мощный духовный ресурс незападных цивилизаций вряд ли можно преодолеть этот глубокий диссонанс западной цивилизации.

Возникает историческая потребность в возвращении восточной фазы исторического мегацикла. Новый, возвращенный восточный мегацикл открывает новые возможности. Все более привлекательным является опыт *индо-буддийской цивилизации*, которая оказалась наименее восприимчивой к соблазнам западной фаустовской культуры. Многообещающим альтернативным потенциалом обладает буддийский принцип иерархичности элементов живого мира. Мельчайшее насекомое наделяется здесь не меньшим символическим и ценностным значением, чем «венец творения» — человек. Все элементы мира в буддизме признаются, **во-первых**, взаимосвязанными (принцип перевоплощения предполагает глубоко интимную взаимозависимость судеб всего живого), **во-вторых**, самоценными, исключаящими принцип утилитарного использования.

Это повышение статуса элементов природного мира исключает деление этого мира на социальную среду и природу. От человека зависит, сможет ли он перестроить свои взаимоотношения с миром, перейти от стратегии насилия и порабощения к стратегии ненасилия и доверительности. В восточном понимании этика ненасилия — не только этика межчеловеческих отношений. **Ненасилие** означает **непричинение**, то есть воздержание от действий, способных внести деформацию в любую часть внутренне гармоничного Космоса [См.: 1; 15–16].

В отличие от Востока, европейский антропоцентризм ориентирован на то, чтобы поставить человека в центр мироздания, сделать его мерой всех вещей. Антропоцентризм обособляет и возвеличивает социальную среду над остальным миром. В отличие от традиционного антропоцентризма, буддийский этос парадоксальным образом согласуется с выводами современной ноосферной теории, делающей упор на взаимосвязи человечества и природы, выступающей за **коэволюционную** перспективу развития, исключаящую технологический волюнтаризм. В таком контексте развитие

понимается как возрастание соразмерности, взаимокоррекции разных начал, в частности — целей человека и внутренней гармонии природы (вместо былых установок на ее «покорение», освоение, порабощение).

Эта же линия просматривается и в даоском принципе «у-вэй», который является противоположностью насильственному принципу «вэй». Даосизм — это, прежде всего, учение о пути бытия, которое связано с такими принципами, как «цзы-жань» (естественность, соблюдение законов и ритмов природы) и «у-вэй» (воздержание от произвольного и безответственного вмешательства в естественный ход вещей).

«Вэй» означает приложение силы, или силы воли, уверенность в том, что вещи, животные и даже люди (к которым приложена сила) — сделают то, что им приказано. «У-вэй» — противоположный принцип: установка на то, чтобы оставлять вещи в их естественном состоянии, дать возможность природе идти своим путем, знать, как в жизни обойтись без насильственного вмешательства и причинения.

Итак, принципы индо-буддийской и конфуцианско-даосской культур указывают на необходимость мудрого воздержания от произвольных, «незаконнопопослушных» действий в отношении всего мироздания. Конфуций (551–479 гг. до н. э.) — древнекитайский философ и этико-религиозный реформатор, распространил принцип дао и на общественно-политическое устройство. Он проповедовал идеал такой государственной организации, при которой власть должна принадлежать мудрецам — носителям высшего знания, добродетели и мудрости.

В ряду альтернативного Западу подхода к проблеме взаимоотношений человека и окружающего мира находятся африканский и латиноамериканский культурные архетипы. Будучи скрытыми в коллективном подсознании, эти архетипы указывают на альтернативный активизм, коллизию Прометея и Орфея.

Вспомним миф о «Черном Орфее», реконструированный Ж.-П. Сартром, известным французским философом и писателем, представителем атеистического экзистенциализма. Сартр в течение всей своей жизни учил тому, как вырваться из плена необходимости и противопоставить давлению обстоятельств личную свободу. В конце жизни сблизился с молодежными движениями, «новыми левыми». Затем миф о «Черном Орфее» нашел отражение в теории «негритюда» Леопольда Сенгора, бывшего президента Сенегала, противопоставлявшего африканский природно-художественный и аффективный тип личности европейскому рассудочно-логическому типу.

«Черный Орфей» сыграл свою роль и в истории США, смягчив нормативную жесткость и технологическую агрессивность англосаксонской протестантской культуры карнавальным «духом негритюда». Были смягчены и пуританская пресность Новой Англии, и ковбойская воинственность «дикого Запада». Североамериканский рационалистический активизм был модифицирован в стиле новоязыческого художничества. В каменные джунгли Нью-Йорка и Чикаго просочилась витальная струя. В результате явно пострадал строгий порядок североамериканского «Нового Рима».

Орфическим потенциалом также заряжена и латиноамериканская культура. Ее повседневность пропитана мифом. Об этом свидетельствуют не только романы Ж. Амаду, но и рафинированная поэтика Г. Маркеса. Это не аскетика Востока, не воздержание от волюнтаристских импровизаций. Это форма альтернативного активизма. В нем художественный, творческий гений альтернативных цивилизаций довлеет над инженерно-конструктивистским гением Запада. Целью этого активизма является не утилитарная польза, а полнота самовыражения личности.

Свое место в альтернативном универсуме XXI века занимает и Россия. Циклы российской истории являются постоянным чередованием западно-восточных фаз. Только в отличие от цивилизаций Востока и Запада, постоянно перетягивающих канат друг у друга, это чередование является внутренней судьбой России, проецируется внутрь российской жизни. В восприятии многих теоретиков прошлого и настоящего Россия — хартленд, «сердцевинная земля», несущий континент, центральное место планеты, не только в геополитическом, но и в историософском смысле. Владение хартлендом открывает возможность координации судеб мира. Здесь пролегают «стяжки» не только мирового западно-восточного пространства, но и формационного времени. Россия многими рассматривается как «стволовая клетка» западно-восточной мировой цивилизации.

Повторимся: мегациклические сдвиги связаны с **гетерогенной** западно-восточной структурой человечества. Каждый такой сдвиг — это смена доминанты: западной на восточную, или восточной на западную. Каждое из «полушарий» человечества содержит и западные, и восточные импульсы, различаясь лишь соответствующими доминантами. В то же время единство мировой истории предопределяется тем, что в каждой из ее чередующихся фаз — восточной или западной — соответствующая доминанта захватывает и противоположную сторону: в ней резко усиливаются позиции адептов «чужого» принципа. Это в полной мере относится и к России, как гетерогенной западно-восточной стране. Эпохи формационных переходов регулярно раскалывают население этой страны на две практически равновеликие части. Этим объясняется ожесточенность происходящих в России реформационно-революционных процессов.

Россия — восточная страна по своей структуре. В ней преобладает не индивидуально-автономное, а **соборное** начало. Соборность — это особая концепция общественного устройства, которая восходит к русскому философу А. С. Хомякову (1804–1860 гг.). Он определил это явление так: «Соборное Единство есть единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви». В отличие от тоталитарной коллективности, модель которой В. Ленин определил в виде общества «организованного как единая фабрика», соборное единство является моделью общества, организованного как храмовая община.

Дальнейшее развитие идея соборности получила у **В. С. Соловьева**. Она трансформировалась у него в идею **всеединства**, которую он определяет таким образом: «Я называю истинным, или положительным всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех, или в ущерб им, а в

пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет, или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, *пустотой*, истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как *полнота* бытия» [2; 552].

Однако парадокс заключается в том, что, будучи соборной по своему культурно-историческому архетипу, Россия по своим жизненным мотивациям приобщена к западному прометеизму. То есть Россия следует такой установке культуры, которая восходит к мифической фигуре Прометея — похитителя небесного огня. Прометеевская символика означает неограниченные притязания человека на покорение природы и преобразование мира. И прометеевски мотивированную Россию постоянно увлекают вселенские проекты «фаустовской» культуры. Это и порождает известную российскую раздвоенность: на Востоке Россию воспринимают форпостом Запада, на Западе — форпостом Востока. Эта неукорененность России ни в одной из цивилизационных «почв» делает ее существование рискованным, а историческую судьбу — драматичной, и в то же время гораздо более самостоятельной и свободной, чем у большинства «укорененных» стран.

Именно Россия в переломные эпохи разрывов мирового пространства-времени нередко берет на себя задачу «сшивания» разошедшихся мировых структур. Видимо, в русском социокультурном массиве заложен некий механизм восстановления единства мировой истории. Именно русское политологическое сообщество сегодня одним из первых берет на вооружение результаты таких наук, как сравнительная культурология, этнология, религиоведение, то есть тех наук, которые уже успели «реабилитировать» Восток, которые показали ряд его непревзойденных достижений, его огромный вклад в культурную сокровищницу человечества.

Сегодня в условиях исчерпания социокультурной энергетики Запада и активизации социокультурной энергетики Востока обществоведам предстоит существенно скорректировать критерии оценки политических систем и культур. Необходимы новые критерии, с помощью которых можно высветить политические достижения Востока. В частности, восточный принцип, гласящий, что **власть не товар, и поэтому власть не должна продаваться**, заслуживает того, чтобы сегодня, в XXI веке к нему прислушаться с особым вниманием.

Заслуживает внимания и тот факт, что восточная парадигма политики делает акцент не столько на борьбе по **поводу интересов**, сколько на борьбе **во имя тех или иных ценностей**. Западные политологи подчеркивают, что на Востоке меньше политической терпимости. Но когда речь идет о ценностях, то терпимость здесь гораздо менее уместна, чем в случае торга между материально заинтересованными сторонами. Одно дело компромисс в сфере того, что поддается бухгалтерскому учету, другое дело — моральный выбор, где часто возникает жесткая ситуация «или — или». Поэтому, кстати, западная политическая культура рекомендует по возможности не привносить ценности в политику и ограничить сферу политических торгов преимущественно интересами.

Однако, всегда ли такие рекомендации применимы? Одно дело — этнически и конфессионально однородные общества, основанные на единой культурной традиции. Таким обществам легче достигать консенсуса по поводу базовых ценностей. Им проще вывести из политики «ценностные» споры. Другое дело — общества полиэтнические и поликонфессиональные, с гетерогенными культурными традициями. Им приходится «спорить о вкусах» и считаться с тем, что разные люди считают разные идеи и ценности наиболее важными и животрепещущими [1; 19–20].

Современная, общественная наука пока еще не пришла к согласию по поводу того, как в принципе отражается на человеке и обществе отеснение ценностной сферы на обочину общественной жизни, превращение ее в нечто архаическое, не являющееся основной потребностью современного человека. В частности, не решен вопрос качества достигаемого в современных обществах политического консенсуса. Если политический консенсус достигнут в ходе действительно содержательного диалога, затрагивающего мир «высших идей» и ценностей, а не только конъюнктурных групповых интересов, то такой консенсус можно оценить как основу долговременного взаимопонимания участвующих сторон. Если же этот консенсус достигнут ценой сознательного преуменьшения роли и значимости ценностей в жизни современного человека, то такая практика может сформировать новый массовый тип ее носителей: политического циника и прагматика, равнодушного к духовным запросам. К сожалению, именно такой тип политического консенсуса сегодня преобладает, ведя к морально-ценностному вырождению политики.

Нынешний глобальный кризис является качественно новым. Он ставит перед миром ряд нестандартных задач, многие из которых являются совершенно нетипичными для западной политической науки.

Первой задачей является задача выявления общих культурно-исторических предпосылок политики на Западе и на Востоке. Здесь необходима процедура сравнительного анализа, которая позволяет выявлять то, каким образом коды культур Запада и Востока раскрываются в процессах производства и воспроизводства власти, и что в этих кодах является совпадающим.

Второй задачей является задача изучения соотношения общественно-политических стереотипов, объединяющих политические процессы в самых разных регионах планеты с их неповторимой культурно-цивилизационной спецификой. До сих пор эта проблема крайне упрощалась политологами, которые механически переносили политический опыт Запада на другие регионы. А специфика этих регионов третировалась как архаичная, не достойная серьезного внимания. Тем самым укоренялась идея неравенства людей Запада и не-Запада, идея деления мира на ведущих и ведомых. Сегодня встает задача реабилитировать политический опыт Востока, как ведущей силы, и признать его право на равноправный диалог с Западом.

Третьей задачей является задача заново переосмыслить политическую специфику России не только как ядра православно-славянской цивилиза-

ции, но и как оси, вокруг которой совершается «оборот» восточно-западного мегацикла.

Анализируя цивилизационную и геополитическую судьбу России, можно предположить три варианта ответа на эти вопросы.

Вариант первый: историческая судьба России в ее «возвращении в Европу» в новых формах и с новыми людьми.

Вариант второй: российские неудачи могут повлечь за собой «провал» России в «третий мир». Но это резко изменит статус и динамику «третьего мира», вызовет глубокие глобальные последствия.

Вариант третий: России предстоит реконструировать в каких-то новых формах «второй мир», который одинаково отличается как от «первого» (западного), так и от «третьего» (преимущественно, восточного). Превращение «второго мира» в генератор нового миропорядка может стать новой эрой мировой истории.

Данные сценарии являются не политическими, а цивилизационными. Они пронизывают всю систему общественно-политических практик и затрагивают жизнь и перспективу каждой личности. Глубокий и равноправный сравнительный анализ «первого мира» — на Западе, и «третьего мира» — на Востоке, позволит с большей адекватностью понять специфику «мира хартленда», «второго мира», в который входит и Украина, оценить его потенциальные возможности и глобальную перспективу.

Литература

1. Панарин А. С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе / А. С. Панарин. — М.: «КД «Университет», 1999. — 320 с.
2. Соловьев В. С. Соч. в 2 т./ В. С. Соловьев, Т. 2 — М., 1988. — 674 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.

Абд Аль Хасан Али Насер

кафедра політології

Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова

Французький бульвар, 24/26, Одеса-58, 65058, Україна

ПРОБЛЕМИ ВЗАЄМВІДНОСИН МІЖ СХОДОМ І ЗАХОДОМ В ХХІ СТОЛІТТІ

Резюме

Особливість нинішнього часу полягає в тому, що завершується фаза західного цивілізаційного мегациклу й починається нова історична фаза, в якій все більшу роль відіграє східний цивілізаційний мегацикл. В цьому плані автор аналізує проблему впливу цивілізаційних мегациклів на історичний процес.

Ключові слова: мегацикл, Захід, Схід, геополітика, індивідуалізм, даосізм, будізм, прометізм, орфізм, глобальна криза.

Abd Al Hasan Ali Naser

Politology Department of Social Science Institute
of Odessa National University named after I. I. Mechnikov,
Frantsuzsky Boulevard, 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

**PROBLEMS IN RELATIONS BETWEEN EAST AND WEST
IN THE XXI CENTURY**

Summary

The peculiarity of present time is that the phase of western civilization megacycle is ending and the new historical phase starts in which the biggest role plays the eastern civilization megacycle . In this way the author analyses the problem of influence of the civilization megacycle to the historical process.

Key words: Megacycle, the West, the East, geopolitics, individualism, Daoism, Buddhism, Prometheism, Orphism, the global crisis.